

МУХАМЕТЗЯНОВ РУСТЕМ РАВИЛЕВИЧ

Проблема типологии культуры древнего и средневекового Китая в
русской историографии XIX – XX в.в.

07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического
исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков
Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова - Ленина

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент
Юнусова М.Г.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Валеев Р.М. (г. Казань)

кандидат исторических наук, доцент
Колесова Е.В. (г. Йошкар-Ола)

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский филиал
Института Востоковедения РАН

Защита диссертации состоится: «__» _____ 2004 г. в ____ часов,
на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01. в Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского
Казанского государственного университета.

Автореферат разослан: «__» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кашафутдинов Р.Г.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

История культуры древнего и средневекового Китая вызывает давний и устойчивый интерес исследователей. Ныне этот интерес еще более увеличивается, ибо к прошлому Китая обращаются для объяснения той принципиально новой роли, которую Китай и его культура начинают играть в современном мире. Исследователи ищут ответ на вопрос, в силу каких обстоятельств китайская цивилизация, возникнув одновременно с давно сошедшими с исторической арены древними цивилизациями, оказалась в состоянии сохранить до наших дней свою идентичность, свою культуру.

Для уяснения феномена “вечности” китайской цивилизации необходимо осмысление разнообразного комплекса причин, предопределивших уникальную устойчивость китайской культуры. Одновременно необходимо выявить те особые характеристики культурно-исторического развития китайской цивилизации, которые предопределили своеобразие исторического пути и форм воплощения мироощутительных ценностей китайского этноса.

Особое значение в этом смысле имеет изучение историко-культурного опыта Китая в древний и средневековые периоды его развития, ибо именно тогда закладывались социально-исторические и ментальные основы китайской цивилизации как таковой.

Отечественная синология насчитывает уже почти два столетия своего существования. Общеизвестны достижения российской китаистики в сфере политической, социальной, экономической истории Китая (В.П.Васильев, И.Бичурин, С.М.Георгиевский, Л.С.Васильев, Л.П.Делюсин, Н.В.Ивочкина, С.Л.Тихвинский и т.д.). Российские синологи являются авторами значительных трудов по истории отдельных сфер культурной жизни китайского народа (китайская литература: В.М.Алексеев, Н.И.Конрад, М.Кобзев и т.д.; китайская философия: Н.В.Абаев, Е.А.Торчинов; китайская живопись: Н.А.Виноградова, Е.В.Завадская и т.д.).

Однако среди огромного количества исследований по истории и культуре Китая чрезвычайно мало работ, в которых ставится и разрешается проблема культурно-исторической типологии Китая. В трудах, посвященных

отдельным вопросам истории культуры Китая, имеются “выходы” на типологическую проблематику; но сведение этих “выходов” в единую систему не осуществлено, поскольку авторы отслеживают особость ситуации в отдельных “фрагментах” китайской культуры или на отдельных (малых или больших) этапах развития китайской истории.

Мы поставили перед собой задачу системного воспроизведения точек зрения на типологию китайской культуры, имеющихся в дореволюционной и послереволюционной отечественной синологии. Реконструкция типологии китайской культуры, осуществленная по материалам отечественной историографии, позволит дать вариант объяснения феномену т.н. “вечности” китайской цивилизации. Будучи соотнесенным с классическими западными (и не только западными) интенциями по поводу уникальности культурно-исторического пути Китая, этот вариант объяснения позволит согласиться или отказаться от представлений о Китае как “внеисторическом” народе (Гегель), “совершенно уединенной цивилизации” (Н.Я.Данилевский), “застывшей” великой культуре (О.Шпенглер).

Развитие отечественного китаеведения прошло длинный путь, тем самым подготовив почву для появления работ обобщающего характера.

В XIX веке российскими китаеводами была проделана огромная работа, которая привела к тому, что отечественная синология получила мировое научное признание. Это стало возможным благодаря формированию в первой половине XIX века кафедр и факультетов, на которых изучались восточные страны. Многочисленные научные командировки в Китай российских ученых (И.Бичурина, В.П.Васильева, О.М.Ковалевского и др.) способствовали возникновению обширной источниковой базы. Полученные во время этих поездок опыт и знания, а также изучение привезенных рукописей и книг способствовали созданию целого ряда учебных пособий, монографий, статей. Именно на этой базе (через этот опыт) стало возможным развитие отечественного китаеведения в XX в.

К сожалению, в 30 - 50-е гг. советское китаеведение, как и другие гуманитарные дисциплины, оказалось в тисках официальных идеологических догм, что привело к изменению приоритетных направлений исследования и выдвигению на первый план вопросов изучения повстанческих движений Китая, истории КПК, состояния прежде всего простонародной культурной

традиции и т.д. Фактически, как отмечают Е.А.Торчинов и М.Е.Кравцова, были приостановлены изыскания в области религии.

Однако образовавшиеся в этот период в советской науке фактологические и теоретические лакуны были восполнены исследованиями многочисленной когорты ученых, расцвет творческой деятельности которых приходится на 50 - 70-е годы. В первую очередь это работы В.М.Алексеева, Н.И.Конрада, Л.З.Эйдлина. Актуальные вопросы китаеведения продолжают успешно исследоваться благодаря усилиям синологов новых поколений, представляющих преимущественно московскую и ленинградскую (санкт-петербургскую) научные школы (Л.С.Васильев, М.В.Крюков, Л.С.Переломов, Л.Е.Померанцева, А.С.Мартынов, Б.Л.Рифтин, Э.М.Яншина, Е.А.Торчинов, Г.А.Ткаченко, В.В.Малявин и многие другие). В 80 - 90-е годы начинается новый этап в исследовании культурно-исторического наследия китайской цивилизации. Это настоящий расцвет в изучении культуры Китая. Появляются работы (В.В.Малявин, Е.А.Торчинов, А.Е.Лукьянов, А.А.Маслов), в которых проблемы культуры Китая рассматриваются с точки зрения цивилизационного подхода. Кроме того, продолжаются работы по переводу источников (например, публикация “Дао дэ цзин” в переводе А.А.Маслова), в которых делается не просто максимально приближенный к оригиналу перевод, но и прослеживаются попытки передать “душу” текста, его мистический смысл.

Тем не менее, созданию обобщающих трудов по истории культуры Китая по-прежнему препятствуют, во-первых, дисциплинарная разобщенность синологических исследований; во-вторых, наличие ряда принципиальных и до сих пор до конца не проясненных в науке проблем, касающихся генезиса китайской цивилизации и природы специфики ее дальнейшей эволюции; и, в-третьих, уязвимость все еще наличествующих в мировом китаеведении европоцентрической и китаецентрической научных позиций.

Как полагают исследователи, критика европоцентрического подхода было впервые осуществлена именно в России С.М.Георгиевским (“Важность изучения Китая” СПб., 1890). Но это привело к тому, что сам С.М.Георгиевский и еще целый ряд ученых невольно оказались на китаецентрических позициях, что означало абсолютизацию уникальности китайской цивилизации, ее духовных устоев. Китаецентрические позиции

свойственны исследованиям и многих других отечественных китаеведов, начиная с академика В.М.Алексеева, который, пытаясь противостоять европоцентрическим установкам, предельно гиперболизировал самобытность китайских культурных традиций. Теоретическая несостоятельность китаецентризма заключается в отрицании существования общечеловеческих историко-культурных универсалий, что, в свою очередь, приводит к утверждению возможности познания и понимания культуры Китая исключительно исходя из нее самой и вне каких-либо типологий или аналогий с историко-культурными традициями других народов мира. По мнению М.Е.Кравцовой, с позиций китаецентрического подхода китайская цивилизация нередко видится как нечто экзотическое и эзотерическое, поддающееся только описанию, но не аналитическому истолкованию.

На наш взгляд, мера самобытности китайской культуры может быть определена только в ходе системного анализа фактов и событий, предопределивших особый облик и особый путь развития китайской цивилизации. Системный анализ в данном случае должен иметь результатом типологическую характеристику китайской культуры в том или ином ее варианте.

Предмет, цели и задачи исследования.

Целью нашего исследования является системное обобщение элементов типологического реконструирования культуры древнего и средневекового Китая, имеющих в отечественной историографии. Результатом системного обобщения должна явиться своего рода “сводная” типология китайской культуры.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

определить теоретико-методологическую базу работы, выявить наиболее существенные для нас подходы и методики;

охарактеризовать типологию как метод и результат культурно-исторической реконструкции;

проследить специфику общеисторического развития древнего и средневекового Китая (в вариантах, представленных в работах отечественных историографов);

выявить особенности философско-мифологического основания ментальности и картины мира в китайской культуре (по материалам историографии и “источника источника”);

дать типологическую характеристику основным сферам древней и средневековой китайской художественной культуры (в соответствии с ее ментальными первопринципами).

Методология исследования.

Методология нашего исследования имеет синтезный характер и предполагает обращение к трудам К.Маркса, А.Тойнби и идеям генетического структурализма. Методами анализа избраны метод культурно-исторической типологии и сравнительно-исторический метод.

Источники исследования.

Источниковая база диссертации предполагает в качестве основного источника историографические исследования отечественных историков-китаеведов XIX – XX в.в. (имеются в виду работы, связанные с историко-культурной проблематикой). В первую очередь это материалы российских востоковедов (И.Бичурин, В.П.Васильев, С.М.Георгиевский, Н.П.Загоскин и т.д.), а также труды советских китаеведов (Н.И.Конрад, Т.П.Григорьева, А.С.Мартынов и т.д.); это работы по китайской мифологии (Э.М.Яншина, В.В.Евсюков, Б.Л.Рифтин и т.д.), буддизму (О.М.Ковалевский, В.П.Васильев, Н.В.Абаев и т.д.) и конфуцианству (Л.С.Васильев, Л.С.Переломов и т.д.), по китайской архитектуре (В.В.Згура, В.М.Алексеев, Е.А.Ащепков и т.д.), живописи (П.Белецкий, Н.А.Виноградова, С.Н.Соколов-Ремизов и т.д.) и литературе (В.П.Васильев, В.М.Алексеев, Н.И.Конрад и т.д.).

Работы отечественных китаеведов были нами классифицированы следующим образом:

Первая группа - это работы, где отдельно ставится проблема типологии культуры Китая. Таких работ очень мало. Мы можем назвать лишь исследования В.В.Малявина (“Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени”) и А.Е.Лукьянова (“Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия”);

Вторая группа историографических источников - это исследования по истории отдельных сфер культуры Китая, в которых имеются “выходы” на элементы типологического реконструирования. Это работы по истории архитектуры (Ащепков Е.А. Архитектура Китая), по живописи (Завадская Е.В. “Эстетические проблемы живописи старого Китая”; Виноградова Н.А. “Китайская пейзажная живопись”), по литературе (Алексеев В.М. “Китайская литература”; Голыгина К.И. “Великий предел”: Китайская модель мира в литературе и культуре (I-XIII в.в.)”), по философии (Лукьянов А.Е. “Дао Лао-цзы и дао Конфуция”; Кривцов В.А. “Эстетика даосизма”). Эти исследования имеют непосредственный “выход” на типологию китайской культуры и содержат огромный фактологический материал.

В работе представлен и “источник источника” (как традиционные исторические, так культурно-исторические материалы). Используемые нами источники этого рода мы разделили на 4 группы:

- а) исторические источники (например, “Шу цзи”, “Гуань-цзы” и др.);
- б) источники, содержащие мифологический материал (“Ши цзин”, “И цзин”, “Шан хай цзин” и др.);
- в) источники по китайской философии (“Чжоу ли”, “Лунь Юй”, “Дао дэ цзин”, “Мэн-цзы”, “Хуайнань-цзы” и др.);
- г) источники культурно-исторические; среди них:
 - I. своеобразные художественные манифесты самих средневековых живописцев Китая (Чжан Янь-юань “Линдай минхуа цзи”, Ши-тао “Хуа юй-лу”);
 - II. поэтические и литературные тексты (Ли Бо, Ду Фу и др.).
 - III. художественные произведения: живописные свитки Ван Вэя, Го Си, Ли Сы-сюня и др. и архитектурные памятники соответствующих эпох китайской истории, доступные нам по альбомам и репродукциям.

Последняя группа использованной нами литературы - это справочные издания, работы, посвященные общим вопросам истории Китая, истории мифологии, истории философии, истории искусства и т.д.

Исторические рамки, в которых исследуется история культуры Китая: нижняя граница – XVI – XI в.в. до н.э. (период Шан – Инь), верхняя – XVII в. (династия Мин).

Исторические рамки, в пределах которых рассматриваются развитие отечественного китаеведения - это 1837 г. (открытие кафедры китайского

языка в Казанском университете) и до 2000 г. Внутри самого периода нами выделяются этапы, являющиеся основными для развития отечественной историографии в целом и отечественного китаеведения в частности:

I период: 1837 – 1920 г.г.;

II период: 1920 – середина. 1930г.г.;

III период: II пол. 1930 – 1950 г.г.;

IV период: 1960 – 1985 г.г.;

V период: 1985 – 2000 г.г..

Все историографические источники могут быть классифицированы и по проблемному принципу: работы отечественных китаеведов, вышедшие в свет в период с 1837 г. до первых десятилетий XX века, и работы советских историков 1920 – первой половины 30-х г.г. можно охарактеризовать как исследования, в которых предпринимались первые попытки теоретически осмыслить историю и историю культуры древнего и средневекового Китая; исследования, появившиеся в 60 - начале 70-х годов, характеризуются повышенным интересом к вопросам становления и эволюции китайской экономики и государственности; в работах первой половины 70 - начале 80-х годов рассматривается более разнообразный круг проблем, в том числе акцентируется внимание на проблемах культуры; а в 90-е годы появляются интересные работы, посвященные вопросам типологии культуры Китая.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Нами предпринята попытка вычленения работ культурно-исторического содержания из огромного корпуса отечественных синологических изысканий и рассмотрение их с точки зрения типологических требований.

2. Собственно исторические исследования по древнему и средневековому Китаю рассмотрены нами в контексте разрешения ими проблемы воздействия социально-исторических условий на мироощущение древнекитайской культуры.

3. В работе представлен вариант типологической реконструкции культуры древнего и средневекового Китая по ментальному основанию (в соответствии с формулой “мир – мироощущение культуры – мир культуры”).

4. Точки зрения отечественных синологов на специфику китайской культуры сведены в систему в соответствии с избранным вариантом типологии; на основании анализа представленных в историографии

социально-исторических мироощутительных и культурно-исторических аспектов формирования китайской культуры сделан вывод о том, что Китай являет собой “стационарный” тип цивилизации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отечественная историография культуры Китая характеризуется в значительной мере нарративно-описательным подходом. Одновременно существуют синологические работы, в которых представлены элементы типологического реконструирования древнекитайской культуры (без сведения их в единую систему).

2. Проблема типологии как метода и результата воссоздания исторического и историко-культурного прошлого обсуждается в отечественной историографии преимущественно в теоретическом ключе и гораздо реже рассматривается в контексте конкретно-исторических исследований.

3. Отталкиваясь от идеи “вечности”, “внеисторичности” китайской культуры, необходимо наполнить реальным содержанием эти “мета-характеристики” древнекитайской цивилизации; сделать это можно, сняв барьер между “нарративной” и “структурной” моделями историописания.

4. Присутствующие в отечественной историографии элементы типологической реконструкции могут быть представлены в системном ключе в соответствии с избранной нами “единицей” типологического измерения культуры и ее основанием. Соответственно охарактеризованные отечественными синологами социально-исторические условия развития древнекитайской культуры, буддо-конфуцианские основы ее ментальности, искусство и архитектура становятся элементами единой системы, позволяющей объяснить специфику общецивилизационного развития Китая.

Практическая значимость.

Материалы и выводы данного исследования могут быть использованы при создании обобщающих и специальных трудов по истории отечественного китаеведения, по историографии российского китаеведения, в разработке лекционного курса по истории культуры древнего и

средневекового Китая, при подготовке семинаров и специальных курсов по проблемам истории и культуры Китая.

Апробация работы.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета. Ее основные положения были заслушаны и обсуждены на научных конференциях Казанского университета (1997-2003 гг.) и отражены в опубликованных статьях.

Структура работы. В связи с поставленными целями и задачами работа состоит из введения, двух глав, разбитых на параграфы, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются общие рамки работы и исследовательская проблематика. Кроме того, здесь формулируются цели и задачи предпринятого исследования, определяется степень изученности темы, дан анализ источниковой базы и исследовательской литературы по проблеме.

В первой главе: “Понятие “культурно-историческая типология” и вопросы специфики истории древнего и средневекового Китая”, рассматриваются теоретические вопросы, а также определяется специфика социально-исторических оснований культуры древнего и средневекового Китая по материалам отечественной историографии.

В параграфе 1: “Культурно-историческая типология как историографическая проблема” внимание сосредоточено на проблеме культурно-исторической типологии. Речь идет о сущности типологии как метода исторического и культуроведческого исследования.

Мы полагаем, что принципы и характер типологического построения зависят от того, как трактуется “единица” построения – тип. Исследователи А.П.Огурцов и Э.Г.Юдин выделяют три основных варианта истолкования типа.

Первый вариант предполагает существование типа как некой вечной, самодостаточной, равной самой себе идеальной сущности, пребывающей в мире “до мира” в качестве первообраза, “проекта”, “неизменной структуры”, которую мир затем “овеществляет”, материализует. Отсюда – многочисленные понятия “морфотип”, “архетип”, “пратип”. Примером подобного истолкования типа могут быть понятие “прафеномен” у О.Шпенглера, понятие “архетип” у К. Юнга.

Второй вариант связан с историческим пониманием типа как уникальной развивающейся системы. Подобное толкование способствовало тому, что исследователями были вычленены реально существовавшие типы культур, инвариантных друг другу в общей логике развития по “ступеням” или от “рождения” к “смерти”. Примеры такого использования понятия “тип” – формационно-обусловленные типы культур (по К. Марксу) или культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского.

Наконец, в третьем варианте тип предстает как идеальная модель, возникшая в результате обобщения важнейших характеристик объектов, взятых в их множестве. Наиболее яркий пример создания таких типов – “идеальные типы” М. Вебера или его предшественника К. Лампрехта.

Результаты типологического реконструирования зависят не только от выбора исходной модели “типа”. Еще в большей степени они обусловлены философско-методологическими установками исследователя. В самом общем виде мы можем рассмотреть присутствующие в науке варианты типологического реконструирования по философско-теоретическому основанию – по возможности соотнесения их с линейно-стадиальной или дискретно-циклической моделью истории (речь идет о “линии-спирали” Гегеля и о “круге” Вико).

В свою очередь, в рамках каждого из этих подходов обнаруживаются варианты типологизирования, обусловленные конкретными философскими пристрастиями создателей той или иной типологии. Соответственно линейно-стадиальные типологии могут быть представлены и вариантом, восходящим к Гегелю, и вариантом, который был разработан Л.Уайтом (исследователем, близким к марксизму); к “единицам” дискретно-циклической типологии могут быть причислены как культурно-исторические типы позитивиста Н.Я.Данилевского, так и типологический ряд высоких культур “философа жизни” О.Шпенглера.

При линейно-стадиальном типологическом реконструировании мы имеем дело с типом – “ступенью”, поскольку типологизация осуществляется по временному принципу – от прошлого через настоящее к будущему. В пространственных дискретно-циклических типологиях, рассматривающих культуры, сосуществующие (или как бы сосуществующие) во времени, единицей измерения является тип – “образ” или тип – “модель”.

Мы можем выделить следующие факторы, которые оказывают влияние на формирование ментальности культурных типов: историческое время формирования культурного поля; природные условия и ареал, в которых происходит складывание ведущей этнической группы; социальные связи; государственное устройство; культурные реликты прошлого; этнические, национальные, психосоматические характеристики индивида; уровень диалогичности (данный фактор будет необходим только после выявления изначального типа культуры).

Необходимо так же учитывать уровень развития отдельных сфер культуры и выделять преобладающий фактор формирования культуры (островные государства в силу изначально специфических природных условий будут иметь несколько иной культурный тип, чем континентальные; увеличение роли этики при использовании сакральных ритуалов влияет на социальные связи и трансформирует облик культуры и т.д.).

Нами в качестве исходной модели типа выбран второй вариант “единицы” построения типологии; основанием типологии явилось мироощущение культуры (ментальность).

В параграфе 2: “Типологическая роль геополитических, социально-экономических и общеисторических особенностей развития древнего и средневекового Китая (в оценке отечественных историографов)” анализируются типологические особенности исторического развития Китая в указанный период.

Среди факторов, предопределивших особую судьбу китайской цивилизации и наложивших отпечаток на мироощущение и формы художественной культуры Китая, отечественные синологи выделяют природно-географические, социально-экономические и политико-правовые детерминанты. Совершенно естественно, что уяснение специфики государственной системы, своеобразие социального ранжирования древнекитайского общества были предметом интереса уже у

дореволюционных историков; особенности социально-экономического развития древнего и средневекового Китая явились объектом внимания исследователей советского периода. Располагая эти факторы не по времени их рассмотрения отечественными синологами, а по степени их важности и иерархического соподчинения, мы можем представить их в следующей последовательности.

1. Не случайно историки говорят о т.н. “великих речных цивилизациях”, с возникновения которых начинается мировая история как таковая. Китай, несомненно, принадлежит к их числу. Уже в середине I тысячелетия до н.э. здесь возникают первые ирригационные сооружения. Строительство крупных ирригационных сооружений, необходимость поддержания водного режима, требовавшие координации усилий как власти, так и крестьянства, были пусть не главным, но достаточно важным стимулом жесткой политической централизации древнего Китая и длительного сохранения здесь общины, что, в свою очередь, будет иметь значение и для ментальных предпочтений древнекитайского общества.

С другой стороны, еще одна особенность природных и геополитических условий (в которых формировалась древнекитайская цивилизация) наложила свой отпечаток на специфику развития древнего и средневекового Китая. В отличие от прочих “великих речных цивилизаций”, Китай был естественно защищен со всех сторон или мощными горными грядами, или морями, недоступными для иноземных мореплавателей. Более доступная северная граница Китая в IV – III вв. была “закрыта” знаменитой Великой китайской стеной; природно-географическая изоляция была дополнена искусственно, и эта “отъединенность” от мира “варваров” также имела большое значение для последующего культурно-исторического развития Китая.

К сожалению, нами не обнаружено специальных работ отечественных китаеведов, где проблема природно-географической детерминированности культуры Китая рассматривалась бы в контексте дискуссии между сторонниками подобной детерминированности и противниками ее.

2. Социально-экономическая и государственно-политическая специфика развития китайской цивилизации, обусловившая особый тип миротолкования в китайской культуре, представлена преимущественно в работах отечественных синологов советского периода. В целом отечественные китаеведы обращают внимание на специфику китайского рабовладения и

феодализма (с преобладанием здесь государственной собственности, длительным сохранением общины). Сохранение общины – это не только кооперированный труд, это и “кооперированное” мышление; в свою очередь, слабое развитие отношений, основанных на частноправовой практике, ведет к невыраженности личностного начала и к тому же “социально - кооперированному” мышлению, не склонному к новациям. Исследователи отмечают, что даже многочисленные социальные движения в Китае, заканчивавшиеся победой повстанцев, фактически “консервировали” те социальные устои древнекитайского общества, против которых они были направлены.

3. Особая роль государства в древнекитайской истории находила свое выражение в парадоксально-двойственном воплощении облика и функций тех, кто символизировал в Китае государственную власть. Эта двойственность выражается в одновременных процессах сакрализации и бюрократизации власти, а символами этих процессов являются император и институт ши. Император как божество; власть как ритуал; ши как фундамент бюрократической административной системы (самовосстанавливающийся через экзаменационную систему) – все это важнейшие элементы древнекитайской государственности, которые, по мнению исследователей, определяют ее устойчивость и долговечность и сказываются на культуре Китая в целом.

4. Ряд отечественных синологов особое внимание уделяют так называемой “модели поглощения” иных этносов, присущей древнекитайской цивилизации. В условиях взаимодействия “варварского” и феодального начал, приносящего тяжкий груз “варварской традиционности”, более развитая китайская цивилизация “инкорпорировала”, “растворяла” в себе традиции и обычаи иных этносов и культур. Даже этнически чуждая знать, пришедшая к власти в Китае в результате кочевых нашествий “варваров”, вынуждена была воспринять китайскую модель управления и подстраиваться под китайские традиции.

5. Исследователь Л.И.Новикова, рассуждая о типологии восточных и западных цивилизаций, предлагает выделить три их основных типа: стационарный, адаптивный и динамический. Характерными признаками стационарного типа являются, по Л.И.Новиковой, “глубокий традиционализм, замкнутый характер развития, почти полная изоляция от

других параллельно развивающихся цивилизаций, самодостаточность и автономность функционирования”. Примером такого типа цивилизации и является Китай, о чем свидетельствует оценка типологической роли общецивилизационных факторов китайской истории, данная этим факторам отечественными синологами.

Во второй главе: “Типологические особенности древней и средневековой культуры Китая в интерпретации отечественных историографов” рассматриваются типологические характеристики древней и средневековой культуры Китая, имеющиеся в отечественном китаеведении.

В параграфе 1: “Эвгемеризованный миф, буддо-конфуцианские мотивы и тема “дао” как основа ментальности культуры древнего и средневекового Китая” анализируются основы ментальности древней и средневековой культуры Китая, выявляются ментальные основания, которые наиболее полно представлены в российской историографии.

Обращение к китайской мифологии в качестве основы ментальности древнекитайской культуры представлено в гораздо большей степени в советской синологии второй половины XX в. и в работах российских историков последних десятилетий, нежели в дореволюционных исследованиях. Типологическое своеобразие философско-мифологического мировидения древних китайцев отечественные китаеведы характеризуют следующим образом.

Прежде всего, исследователи обращают внимание на специфику китайского мифа (по сравнению с мифологическими сводами других древних цивилизаций). Особая судьба китайского мифа – в его эвгемеризации, в своеобразных формах “исхода” и трансформации в философское мышление. В отличие, например, от “самоотрицания” античной мифологии, китайский миф “обрастает историей”: мифы переосмысливаются с целью обожествления предков аристократических родов и обнаружения в сакральном мире модели будущей бюрократической машины.

Как полагают исследователи, о “прорастании” мифов историей свидетельствует изначальное соотношение понятий “бог” и “первопредок” и использование термина “первопредок” для обожествления, прежде всего, императорской власти. Исследователи отмечают, что подобную трансформацию претерпели и другие старинные китайские божества и герои

(превратившиеся, например, в “чиновников”), причем произошло это или в самих древних памятниках, или в комментаторской традиции.

Столь же важную роль в процессе эвгемеризации китайского мифа сыграли возникновение и эволюция понятий “Шанди”, “Небо”, “дэ”. Совершенно определенные социально-политические причины способствовали тому, что в итоге на смену религиозно-мифологической догме приходят ритуал и этика; в свою очередь, рационализированный ритуал способствует, с одной стороны, демифологизации мышления, с другой – утверждению схемы “природа – первопредок – род (индивид)”. Эта схема – отражение представлений о том, что правитель, ван, император – прямой потомок первопредка, Неба, и вся Поднебесная должна пребывать в жестоком подчинении этой иерархии на всем протяжении существования Поднебесной.

Исследователи обращают внимание на своеобразие древнекитайской мифологической картины мира, в которой четко фиксируется точка, соотносимая с императором Китая. Это также свидетельствует об эвгемеризированных функциях мифа и особой роли мифологического компонента в миропредставлении древних китайцев.

На основе анализа древних текстов синологи реконструируют пятичленную модель дуального и в то же время единого (инь – ян) космоса, где наличествуют четыре стороны света и сакральный центр, совпадающий с местопребыванием правителя Поднебесной. По вертикали осью мира является мировое дерево, в соответствии со структурой которого вычленяются Небо, Земля, Нижний мир.

В этой пространственной модели зафиксировано не только особое отношение к личности правителя, к его “богопроизводным” правам сохранять и возобновлять формы и традиции существования китайской империи, но и отношение к тем, кто находится за пределами Поднебесной. Ибо мир по горизонтали делится еще и по принципу “мы и они”, “мы и варвары”. Поскольку, как отмечают исследователи, Поднебесная для древних китайцев – это квадрат (прямоугольник), а Небо – круг, то Китай занимает ту часть земли, на которую падает проекция небесного круга. Это и есть Центральное государство; оставшиеся вне этой проекции земли считаются заселенными варварами, лишенными покровительства Неба и каких-либо признаков цивилизации.

Такой же пятичленной (по мнению М.Е.Кравцовой) является мифологическая модель времени, в которой главными временными координатами служат времена года (весна, лето, осень, зима) и специальный сезон (середина летнего периода), выделяемый для Центра. Таким образом, особая роль Центра зафиксирована и в мифологических представлениях о времени (текущем, кстати, как отмечает А.Геннис, “сверху вниз”, санкционируя тем самым все, что происходит в Поднебесной).

Размышляя о причинах “неподвижности” Китая, С.Георгиевский неоднократно подчеркивал особую роль социально-этических принципов, определяющих “благоустройство семьи, общества и государства” в китайской империи. Главенством именно этих принципов отмечена философия конфуцианства, весьма способствовавшая рационализации ритуала и эвгемеризации мифа и ставшая главным основанием древнекитайской ментальности. Практически все отечественные синологи поддерживают эту точку зрения (начиная с В.П.Васильева, утверждавшего, что конфуцианство имело сильное влияние “на все стороны китайской жизни: бытовую, экономическую, политическую, умственную и литературную” – и заканчивая В.В.Малявиным).

Конфуцианство “достроило” мифологическую вертикальную иерархию социума горизонтальной иерархией соподчинения (понятие “сяо”). Тем самым на ментальном уровне были закреплены сословно-охранительные принципы организации отношений в обществе и в государстве.

Исследователи отмечают, что конфуцианство далеко не сразу стало ведущим ментальным первопринципом древнекитайской культуры. Известны страшные репрессии против конфуцианцев, имевшие место в эпоху Цинь. Выдержало конфуцианство и борьбу–оппозицию по отношению к себе со стороны еще двух великих ментальных первопринципов, предопределивших мироощущение древнекитайской культуры – даосизма и буддизма.

В итоге, как отмечает Е.А.Торчинов, буддизм и дао стали органической частью синтетически–целостного мирозерцания китайской культуры; даосизм даже внес свой вклад в обоснование тождества власти, мудрости и святости в императорском Китае, а в буддизме на авансцену вышли те идеи и принципы, которые более всего соответствовали традиционным китайским нормам и представлениям.

В параграфе 2: “Отражение философско-религиозной картины мира в художественной культуре древнего и средневекового Китая (концепции В.М.Алексеева, Н.И.Конрада, Е.В.Завадской, В.В.Малявина)” содержится анализ работ отечественных историографов, в которых даны типологические характеристики художественной культуры Китая.

Воплощение ментальных первопринципов древнекитайской культуры (в соответствии с предложенной формулой “мир – мироощущение – мир культуры”) рассматривается нами на материале искусства древнего и средневекового Китая; т.е. мы осуществляем анализ тех работ отечественных синологов, где затрагивается проблема типологических особенностей таких сфер художественной культуры Китая, как архитектура и живопись.

Характеризуя философско-мифологические основы ментальности китайской культуры (в интерпретации дореволюционных и советских китаеведов), мы рассуждали о специфике картины мира и древнекитайского типа мышления, предопределивших своеобразие китайского искусства.

Итоговый синкретизм конфуцианства, даосизма и буддизма, представляющий собой своего рода “единство противоположностей”, весьма своеобразно повлиял на отдельные сферы художественной культуры Китая. Причем, по мнению исследователей, какие-то сферы искусства оказались в “ведении” преимущественно конфуцианского компонента этой синкретической мироощутительной системы, какие-то – в “ведении” дао или буддизма, а какие-то равномерно предопределялись всей древнекитайской ментальной системой. Исследователи полагают, что на характере китайской архитектуры сказались в первую очередь конфуцианские первопринципы и идеи дао; на пейзаже – чань-буддизм и дао; на искусстве портрета – прежде всего конфуцианство.

Архитектурное сооружение в Китае, как подчеркивает В.В.Малявин, предстает вписанным в “единый вселенский порядок, где существует полная преемственность между человеком, семьей и космосом; оно воплощает устои и ценности общественной жизни и, в первую очередь, семейного уклада”. Начиная с выбора места для дома или храма (по принципу фэн шуй), начиная с обязательной симметричной планировки (когда здания храмового или дворцового ансамбля расположены по главной оси “юг - север” – “Ян - Инь”, а город или усадьба в плане имеют форму квадрата или прямоугольника – “квадрат Земли”) и заканчивая формой китайских крыш и ролью цян-шоу

(демоны, злые духи боятся изогнутых линий) – эти и все остальные принципы архитектурного строительства в древнем Китае, несомненно, несут на себе отпечаток мифолого-конфуцианского умонстроения.

В свою очередь, ландшафтная архитектура в древнем Китае (важнейшими компонентами которой являются сады при императорских дворцах, при императорских гробницах, при храмах, сады естественных пейзажей, домашние сады, сады ученых или сады литературы) находилась в полном “ведении” даосизма. Как отмечает В.В.Малявин, “сад – это частица даоского мировидения в строго регламентированном конфуцианском мире”.

Практически все исследователи китайской художественной культуры едины в мнении относительно того, что пейзаж как живописный жанр зародился в Китае и достиг высочайшего расцвета уже в VII – VIII вв. н.э. Следует отметить, что для дореволюционных авторов китайская живопись в целом казалась примитивно-экзотической, “отставшей” от европейских канонов (А.Столповская). В работах 60-ых – 90-ых гг. XX века этот “европоцентристский” взгляд на китайскую живопись был полностью преодолен, и в целом ряде серьезных исследований по истории китайского искусства был поставлен вопрос о типологических особенностях древнекитайской художественной культуры, обусловивших отличие последней от европейской.

В буддо-конфуцианской картине мира пространство и время трактуются как бы с двух полярных точек зрения; поэтому мир древнекитайской культуры бесконечен и ограничен одновременно (идея Великого Предела - Тайцзы), а символами времени одновременно могут служить Вечность и Круг. Средневековая китайская пейзажная живопись, вызванная к жизни чань-буддизмом и дао, стремится воплотить в своих свитках именно Вечность и Бесконечность Вселенной, отраженные в каждом миге существования.

Именно поэтому (как отмечают Е.В.Завадская и Н.А.Виноградова) китайская живопись пользуется “не прямой”, а т.н. “рассеянной” (или “кулисной”) перспективой, позволяющей увидеть мир не с “антропоцентрической”, а “космоцентрической” точки зрения. Именно поэтому столь устойчив жанр пейзажа в двух его важнейших разновидностях: “горы - воды” (*шаньшуй*) и “цветы - птицы” (*хуаняо*); пейзаж символически отражает иерархию и единство мира по принципу “в

одном мгновенье видеть вечность, огромный мир – в зерне песка”. Именно поэтому в классической китайской живописи существует стиль *сеи* с его принципами “незавершенности”, “лишенности рамок”, “намек на действительность” (европейские модернисты позже сформируют свой принцип “non-finito,” явно отталкиваясь от идеи *сеи*).

Особенности портретного искусства, как полагают отечественные синологи, также могут быть объяснены посредством выявления доминирующих здесь ментальных установок.

Бытовая живопись, где встречается изображение человека, возникла в Китае также достаточно давно. Однако жанр портрета (жанр “*сечжао*”) возник где-то в X в. н.э. и был во многом детерминирован конфуцианскими идеями. Исследователи полагают, что “непривычность” китайского портрета для глаз европейцев обусловлена особыми задачами, которые ставил перед собой древнекитайский художник. В соответствии с конфуцианскими “социоцентричными” принципами китайские живописцы пишут не портрет определенного человека, а создают некую композицию с учетом культа предков, теории физиомантии и выделением типологических черт характера. При этом, как отмечают исследователи, китайский портрет, в отличие, скажем, от японского (где преобладают декоративно-символические элементы), представляет собой маску-символ.

Таким образом, как полагают отечественные китаеведы, в средневековой китайской живописи реализуются две основные мироощутительные тенденции: конфуцианская (с ее соотнесенностью с реальным миром, иерархичностью и назидательностью) и дао-буддийская (с ориентацией на бесконечность и вечность мира, на неопределенность и недосказанность). В целом, конечно же, и жанр пейзажа, и жанр портрета в китайской живописи имеют много общего, ибо обусловлены одним и тем же особым типом мышления, посредством которого реконструируется картина мира в китайской культуре (воплощающаяся затем в искусстве). Этот тип мышления назван академиком В.М.Алексеевым “иероглифическим”, образным, поскольку иероглиф изначально есть картина.

Заключение.

В заключительной части диссертации подводятся итоги, намечаются дальнейшие перспективы разработки темы.

III. Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. Мухаметзянов Р.Р. Культурно-историческая специфика древнекитайских мифов / Р.Р. Мухаметзянов // Республиканский конкурс студенческих работ на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. Тезисы конкурсных работ. Казань. 1997. - С.135 - 137
2. Мухаметзянов Р.Р. Европейская и буддо-конфуцианская культуры: проблема “диалогической” древности / Р.Р. Мухаметзянов // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследования социокультурных перемен. Тезисы. Казань. 1998. - С.46 – 47
3. Мухаметзянов Р.Р. Буддо-конфуцианские мотивы в средневековой китайской пейзажной живописи / Р.Р. Мухаметзянов // Тезисы докладов итоговой научной студенческой конференции. Апрель – май 1999г. Казань. 1999. - С.27 – 29
4. Мухаметзянов Р.Р. Восток и Запад: от холизма через противостояние к диалогу / Р.Р. Мухаметзянов // Вестник Волжского унив-та им. В.Н. Татищева. Сер. Философия. Вып.1. Тольятти. 2000. - С.80 – 85
5. Мухаметзянов Р.Р. Космология буддизма в интерпретации О.М. Ковалевского / Р.Р. Мухаметзянов // Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность: Доклады и сообщения международной научной конференции, 21 – 24 июня 2001г. Казань. 2002. - С.43 – 49
6. Мухаметзянов Р.Р. Проблема типологии культуры в контексте антиномии “Восток-Запад” (историографический аспект) / Р.Р. Мухаметзянов // Диалоги о прошлом: Материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. Казань, 8 – 10 октября 2001г. Казань. 2002. - С. 43 – 49